

СОБСТВЕННОСТЬ В X-МАТРИЦЕ

Наши суждения о специфике институционального устройства России, как показывают многочисленные дискуссии¹, могут показаться неожиданными, причем как наследникам славянофилов «левым», так и наследникам западников — «правым». Именно поэтому полагаем необходимым предварить свое понимание отношений собственности — одного из важнейших социальных институтов любого общества — кратким изложением теории, на которой эти суждения основаны.

Что же это за теория институциональных матриц, в чем ее особенности? Во-первых, это социологическая теория так называемого объективистского, или структурного направления. В социологии с самого начала формирования науки сосуществуют две парадигмы. Первая — субъективистская, фокусирует исследования на том, что и как делают люди. Здесь общество рассматривается с точки зрения взаимодействия социальных групп, каждая из которых обладает особыми ценностями, установками, привычками и статусами. Типология социальной деятельности М. Вебера, концепция хабиитуализации и основанная на ней теория «социального конструирования действительности» П. Бергера и его коллег, социальный бихевиоризм Дж. Г. Мида, развитый Г. Блумером в социальную теорию символического интеракционизма и многое другое являются вкладом представителей, придерживающихся субъективистской парадигмы, в социологическую теорию.

Объективистская парадигма рассматривает общество не столько как процесс взаимодействия людей, но как существующую самостоятельно структуру. Сторонники этого подхода не оспаривают, что генетически общество возникает в результате взаимодействия индивидов, но обращают внимание на то, что, возникнув, общество начинает жить по собственным законам. Оно при таком подходе понимается как реальность *sui generis*², на чем вслед за О. Контом еще бо-

¹ *Богуславский В. Н.* Институциональные матрицы и социальная психология (Размышления над книгой С. Г. Кирдиной «X- и Y-экономика: Институциональный анализ». М.: Наука, 2004) // *Экономический вестник Ростовского государственного университета.* 2004. Т. 2. № 4; *Иванов Н. В.* Новосибирская социологическая школа (НСШ) // *Социологическая энциклопедия.* Т. 2. М.; Мысль, 2003. С. 59; *Кузьмин В., Эйдельман Я.* Базовые социальные институты в человеческом измерении // *Общество и экономика.* 2001. № 6; *Латова Н. В.* В какой матрице мы живем? (Этнометрическая проверка теории институциональных матриц) // *Экономический вестник Ростовского государственного университета.* 2003. Т. 1. № 3. С. 89-94; *Меньшикова Г. А., Павенкова М. В.* «Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России» // *Социологический журнал.* 2001. № 1; *Николаев И.* Глобальная экономика — теории и реальность. Гл. 11. Институциональные матрицы и развитие на Руси (книга на С. Кирдина). (На болгар., с. 283-291). Cielda, 2003; *Нуреев Р. М.* Социальные субъекты постсоветской России; история и современность // *Мир России.* 2001. № 3; *Романовский Н. В.* Сталинизм и теория институциональных матриц // *Социологические исследования.* 2003. № 5. С. 132-140; *Терин Д. Ф.* «Запад» и «Восток» в институциональном подходе к цивилизации / *Социологические исследования.* 2001. № 4; *Цирель С. В.* Еще раз о теории институциональных матриц // *Социологические исследования.* 2003. № 10. С. 144—148, и др.

² особого рода (лат.).

лее 100 лет назад настаивал классик социологии Э. Дюркгейм. Общества, писал он, — это «реальности, природа которых нам навязывается и которые могут изменяться, как и все естественные явления, только сообразно управляемым ими законам... Мы оказываемся, таким образом, перед лицом устойчивого, неизблемого порядка вещей, и настоящая наука становится возможной и вместе с тем необходимой для того, чтобы описывать и объяснять, чтобы выявлять его характерные признаки и причины»³. Человек стремится познать закономерности этого порядка. Но, в конечном счете, действия социальных субъектов невольно подчиняются этим закономерностям, подобно тому как люди, ничего не смыслящие в физике, действуют, учитывая силу земного притяжения. Объективистский подход продолжает известные традиции исторического материализма, одной из центральных идей которого являлось изучение необходимых общественных отношений, складывающихся вне зависимости от воли и желания людей. При данном подходе «не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»⁴.

Другая особенность теории институциональных матриц — учет системного характера общества. Это означает, что фокус исследования направлен на то, как разные социальные сферы поддерживают, взаимоопределяют друг друга, объективно ограничивая возможности изменений, не учитывающих эту внутреннюю связь элементов и целого. Поскольку «нельзя объять необъятное» — а реальное общество является именно таким «необъятным», — то теория институциональных матриц работает с определенной моделью общества. В данной модели выделены лишь три важнейшие социальные сферы, которые исследуются. Известный научный принцип «необходимости и достаточности» предполагает, что теоретическое описание исследуемого объекта должно содержать все существенные признаки, позволяющие и обособить, и адекватно описать предмет исследования. Здесь этот принцип выражается в том, что в институциональной модели общества выделены лишь три наиболее значимые его подсистемы. В соответствии с социологической традицией фиксируются экономическая сфера (экономика), политическая (политика) и культурная, а точнее, идеологическая, т. е. идеология⁵.

Таким образом, системность социального действия выражается в том, что оно одновременно может рассматриваться как действие экономическое (направленное на получение ресурсов жизнедеятельности), политическое (т. е. определенным образом организованное) и культурное, идеологическое («нормируемое» системой ценностей). Конечно, в разных видах деятельности эти «проекции»

³ Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М.: Наука, 1990 С. 269.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 13. С. 6-7.

⁵ Более подробные объяснения, почему в данной институциональной модели общества культура адекватно представлена лишь идеологией, см.: в работе: Кирдина С. Г. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск. 2001. С. 53-55. Автор исходит из положений П. Сорокина и Т. Парсонса о несовпадении границ культурных и социальных систем (первые, как правило, гораздо шире), и в развитие этих положений вычленяет в структуре общества идеологию как сферу, формирующуюся «на пересечении» культурного и социального. Здесь идеология понимается не как на(юр) идей, содержащихся в голове но как «институциональный срез культуры», как набор сохраняющихся правил и институтов, регулирующих спонтанное, неосознанное поведение людей и обществе друг относительно друга и по отношению к социуму в целом. Такое понимание развивает подход Л. Альтюссера, рассматривавшего идеологию как социальные процессы (Аберкромби И., Хилл С., Тернер Б. С. Социологический словарь / Перев. с англ. Под ред. С. А. Ерофеева. Казань; Изд-во Казан. ун-та. 1997. С. 109), которые играют решающую роль в построении позиционной структуры общества и самоидентификации индивидов в этой структуре.

представлены неодинаково. Например, в производственной деятельности часто доминирует экономическая составляющая, а, например, во взаимоотношениях разных групп людей — идеологическая. Именно поэтому мы можем рассматривать эти сферы отдельно, не забывая, однако, что внутренне они взаимосвязаны.

Третья особенность теории институциональных матриц заключается в том, что она помещает в фокус наблюдения исторически устойчивые и постоянно воспроизводящиеся в практике людей социальные отношения. Складываясь в первых известных истории государствах, эти отношения эволюционно закрепляются, представляя собой устойчиво действующие «социальные технологии». Такие отношения называются *базовыми институтами*, в отличие от всего множества социальных отношений, возникающих и исчезающих в ходе человеческой истории. Они образуют своеобразный остов, или скелет общества. Если исходить из марксова понимания общества не как совокупности индивидов, но как «суммы связей и отношений, в которых эти индивиды находятся друг к другу»⁶, то базовые институты представляют собой самое существенное в этих связях.

Другими словами, они формируют устойчивую общественную структуру, проявляющуюся «на поверхности» нашей жизни в конкретных законодательных актах, системах организации труда, формах хозяйственных связей, политических процедурах и т. д. Таким базовым институтом, например, является институт рынка, или упорядоченная система обменов. Он возник как постоянно действующая, «обрастающая» правилами и нормами, развивающаяся социальная связь между производителями и потребителями, без которой в определенных условиях оказалось невозможным развитие хозяйства.

⁶ Маркс К. К критике политической экономии (черновой набросок IS57—1S5S голов) // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 46. С. 247.

Система базовых институтов, действующих в сфере экономики, политики и идеологии, образует так называемую институциональную матрицу — ключевое понятие описываемой социологической теории⁷. Матрица в переводе с латинского означает «матку», основу, первичную исходную модель, форму, порождающую дальнейшие последующие воспроизведения чего-либо. Институциональная матрица для общества аналогична архетипу в общественном сознании⁸. Каково бы ни было разнообразие социальных связей в разных странах, специфика которых обуславливается культурным и историческим контекстом, это разнообразие порождается (или может быть сведено) к определенной матричной структуре, институциональной матрице общества.

Какие институциональные матрицы нам известны?

Имеет ли каждое общество свою институциональную матрицу, или она общая для всех стран, или их несколько типов? Вся история науки — это «постоянные попытки свести внешнюю сложность естественных явлений к некоторым простым фундаментальным идеям и отношениям»⁹. В теории институциональных матриц была выдвинута гипотеза, что многообразие конкретных социальных связей разных государств в разные исторические эпохи можно агрегировать в двух типах институциональных матриц, условно названных X- и Y-матрицами.

Основой гипотезы послужил ряд теоретических положений в предшествующей литературе, прежде всего, представления о двух типах экономических систем (К. Маркс., К. Поланьи, В. Ойкен, О. Бессонова и др.). Также были использованы и развиты представления известной культурологической оппозиции Запад-Восток. Проверка гипотезы и уточнение структуры базовых институтов каждой из матриц осуществлялись как в ходе исторических изысканий¹⁰, так и на основании компаративистских исследований¹¹.

Дадим краткую характеристику институционального устройства того и другого типа¹².

⁷ Впервые предположения о том, что система институтов каждого конкретного общества образует своеобразную «институциональную матрицу», определяющую веер возможных траекторий дальнейшего развития, были высказаны в работах Карла Поланьи и Дугласа Норта (*Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 147—148; *Polanyi K.* The Livelihood of Man. N.-Y. Academic Press. Inc. 1977. P. xxxii).

⁸ Под архетипами К. Г. Юнг, как известно, понимал элементы коллективного бессознательного, обозначающие суть, форму и способ связи наследуемых бессознательных первичных человеческих первообразов и структур психики, обеспечивающих основу поведения, структурирование личности, понимание мира, внутреннее единство и взаимосвязь человеческой жизни.

⁹ *Эйнштейн А. А.* Эволюция физики: Сборник. Изд. 2-е. испр. М.: Тайдекс Ко. 2003. С. 74.

¹⁰ Например, гипотеза проверялась на основании сопоставления экономических, политически и идеологических институтов в древнейших известных истории государствах — Древнем Египте и Месопотамии. Было выявлено, что в Египте доминировали институты X-матрицы, а в Месопотамии — Y-матрицы (см.: *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Гл. 4).

¹¹ Например, сравнивались политические системы (в том числе Конституции) современных США и России (там же. гл. 6).

¹² Более подробно см.: *Кирдина С. Г.* Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск. 2001, и др. работы автора [<http://www.kirdina.ru>].

Базовые институты X- и Y- матрицы

Основные подсистемы общества	X-матрица	Y-матрица
Экономическая	Редистрибутивная экономика	Рыночная экономика
Политическая	Унитарное политическое устройство	Федеративное политическое устройство
Идеологическая	Коммунитарная идеология, приоритет «Мы» над «Я»	Субсидиарная идеология, приоритет «Я» над «Мы»

Начнем с описания *X-матрицы*, более для нас интересной, поскольку ее институты, на наш взгляд, преобладают в общественном развитии России. В экономической сфере стран с X-матрицей действуют институты **редистрибутивной X-экономики**. Редистрибутивная экономика представляет собой взаимосвязанное хозяйство, складывающееся в условиях коммунальной материально-технологической среды, когда условием выживания каждого является выживание всей хозяйственной системы в целом. Особенностью таких экономик является опосредование центром движения ценностей и услуг, а также прав по их производству и использованию. Через центр происходит аккумуляция основных создаваемых продуктов, совмещение условий их производства и потребления, а также распределение ресурсов и продукции между участниками хозяйственного процесса. Эти фазы (аккумуляция — совмещение — распределение) составляют содержание *института редистрибуции*. Основу экономики составляет централизованно-управляемая *условная верховная собственность*, независимо от конкретной своей формы — княжеской ли, казенной, колхозно-совхозной, федеральной и т. д. Специфика такой формы собственности в том, что условия и ограничения доступа и использования объектов собственности определяются верховным уровнем управления. Во взаимосвязанном хозяйстве, функционирующем на общей инфраструктурной основе, цель экономической деятельности не столько прибыль отдельных хозяйствующих субъектов, как в рыночной экономике, сколько достижение сбалансированности производства и снижение издержек в отдельных сегментах, с тем чтобы обеспечить выживание и развитие всех составных его частей. Достижение экономического роста прежде всего за счет снижения издержек, обеспечиваемого использованием нерыночных ресурсов, внутренней и внешней мотивационной деятельностью, в конце 1970-х годов получило название X-эффективности¹³. *X-эффективность* выступает в роли сигналов обратной связи, позволяющей судить о том, насколько «верно» настроен институциональный комплекс редистрибутивной экономики. Для нее также велика роль кооперации хозяйствующих субъектов между собой и с центром, опосредующего их взаимодействия. Трудовые отношения регулируются институтом *служебного труда*¹⁴. Западные ученые такого рода трудовые отношения, которые они наблюдают, например, в Японии, называют «системой пожизненного найма».

¹³ *Leibenstein H. General X-efficiency theory and economic development. N.Y. etc: Oxford Un. Press. 1978; Лебенстайн Х. Аллокативная эффективность в сравнении с X-эффективностью // Теория фирмы: Сб. тр. СПб.: Экономическая школа, 1995. Обратим внимание на почти детективный факт: термин «X-эффективность», введенный Лебенстайном, был обнаружен автором лишь недавно, уже после опубликования ряда работ по институциональным матрицам, в том числе книги: Кирдина С. Г. X- и Y- экономики: институциональный анализ. М.: Наука. 2004. Такое неожиданное совпадение терминов для обозначения явлений одного и того же порядка у разных авторов из разных стран и в разное время — непостижимая для нас загадка.*

¹⁴ Термин был в свое время введен О. Э. Бессоновой в разрабатываемой ею теории раздаточной экономики (*Бессонова О. Э. Раздаточная экономика как российская традиция // Общественные науки и современность. 1994. №3; Бессонова О. Э. Институты раздаточной экономики России: ретроспективный анализ. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН, 1997*). В теории институциональных матриц служебный труд определяется как способ привлечения к труду, при котором трудовые отношения регулируются централизованным механизмом, имеют обязательный и всеобщий характер (полная занятость) и характеризуются сложной системой денежного, вещественного и нематериального вознаграждения.

В политической сфере обществ с *X-матрицами* доминируют **институты унитарного (унитарно-централизованного) политического устройства**. Унитарная политическая структура характеризуется принципами *административного построения* государства, при котором его территориальные единицы не являются суверенными и самостоятельными в политическом отношении. Здесь преобладает институт *иерархической вертикали власти во главе с центром*, поэтому поле компетенции местных (региональных) властей всегда меньше, чем поле совместной компетенции Центра и регионов или Центра как такового. В управленческих структурах унитарного типа доминируют принципы *назначения*, а не *выборности*. Кроме того, при принятии важнейших государственных решений важен принцип не большинства, а *единогласия*. Реализовывается он в виде соборов, съездов, многообразии согласительных процедур, правил единоначалия и т. д., характерных для российского, японского и других обществ такого типа. Чем цивилизованнее государство, тем менее насильственны процедуры достижения такого единогласия. Главным средством обратной связи в такой политической системе являются *обращения по инстанциям* в разнообразных формах — жалобах, петициях, заявках и пр. На основе обращений корректируются правила политической жизни, принимаются те или иные управленческие решения.

Идеологическая сфера обществ с *X-матрицей* отличается преобладанием **коммунитарной идеологии**. Ее отличительная особенность — доминирование коллективных, общих ценностей над индивидуальными, приоритет «Мы» над «Я». Коммунитарную идеологию отличают *коллективизм*, *эгалитаризм* как нормативное представление о социальной структуре, где «все равны», и идеал *порядка* в качестве принципа устройства общественной жизни.

Экономические, политические и идеологические институты в X-матрице обуславливают и поддерживают друг друга. Условная верховная собственность редистрибутивных экономик не может успешно функционировать без механизма централизованного политического управления. И эта экономическая и политическая система устойчива, когда поддерживается господством коллективистских ценностей, разделяемых населением этих стран. Другими словами, во всех своих сферах общество с доминированием институтов X-матрицы регулируется преимущественно «сверху», т. е. структурами, отношениями и ценностями более высокого порядка.

В отличие от России и ее «собратьев» по институциональной X-матрице, большинство стран Европы, а также США характеризуются преобладанием институтов Y-матрицы. Понимание этих институтов важно для нас, поскольку в России они также всегда присутствуют, хотя и не занимают доминирующего положения. Что это за институты? В экономической сфере — это **институты рыночной экономики**, т. е. *обмена*, или купли-продажи. Основой таких экономик является *частная собственность*, которая главенствовала и в Римской империи в эпоху ее расцвета, и составляет остов хозяйственной системы современных Соединенных Штатов Америки и европейских стран. Главный стимул производства для изолированных частных собственников — *прибыль*, обеспечивающая не только воспроизводство, но и накопление, «страховой запас», иначе, существующие независимо, они не смогут осуществить следующий шаг в своей хозяйственной деятельности. Между участниками рынка существует *конкуренция*, в ходе которой осуществляется доступ сильнейших игроков к тем или иным ресурсам или продуктам. Привлечение к труду осуществляется посредством института *наемного труда*.

Политическая сфера стран с Y-матрицей характеризуется преобладанием **институтов федеративного устройства**. Это означает следующее: независимо от того, есть ли в названии страны слово «федерация» или нет, принцип федеративного, «соединительного» построения государства «снизу вверх», из отдельных самостоятельных графств, штатов, земель — всегда господствует. Таким образом, все западные страны в политическом отношении построены на *федеративных началах*. Управленческая структура также строится «снизу вверх», на основе *самоуправления и выборов*. При принятии решений действует принцип *многопартийности и демократического большинства*, а главным политическим механизмом являются партии, в которых консолидируются интересы разных групп населения и экономических сил. Отсутствие доминирующей вертикали власти, которая берет на себя разрешение конфликтов на всех «этажах» государственного устройства, компенсируется наличием независимой судебной системы и *правом судебного иска*, которым пользуются граждане и организации для защиты своих интересов.

В идеологической сфере стран с Y-матрицей преобладают **институты субсидиарной идеологии**, в которых закрепляется главенство индивидуальных ценностей над общественными. Субсидиарность¹⁵ означает безусловный приоритет личности по отношению ко всем организациям, ассоциациям и другим общественным структурам, к которым она принадлежит или членом которых является. Конечно,

¹⁵ Термин «субсидиарность» введен в употребление напои римским Пием XI и 1931 году для обозначения фундаментальной принципа христианской социальной доктрины (Oxford bullish Dictionary 2d ed. Vol. XVII. Oxford: Clarendon Press, 1989. P. 59). Субсидиарность обосновывает подчиненность, дополнительность всех общественных структур по отношению к личности, означает безусловный приоритет личности по отношению ко всем организациям, ассоциациям и другим общественным структурам, к которым она принадлежит или членом которых является.

явление субсидиарности имеет гораздо более почтенный возраст, чем введенный для его обозначения термин. Субсидиарную идеологию характеризует *индивидуализм* (идеальными мыслятся такие социальные отношения, в которых устойчиво доминирует стремление к индивидуальной выгоде, в которых закрепляется приоритет индивидуального выбора по отношению к обязанностям, вытекающим из взаимозависимости членов сообщества). К этому комплексу относится также *стратификационный принцип* построения социальной структуры и свобода как основополагающая ценность общественной жизни. В государствах, относящихся к Y-матрицам, нормальной является стратификация, консервирующая социальное неравенство. Основоположники функционалистской теории социальной стратификации Дэвис и Мур рассматривают социальное неравенство «как неосознанно развитый механизм, с помощью которого общества гарантируют, что наиболее важные места по справедливости занимают самые квалифицированные люди»¹⁶.

Таким образом, можно видеть, что экономические, политические и идеологические институты с разных сторон отражают системные характеристики общества, в котором они доминируют. Так, частной собственности и конкуренции в экономике соответствуют конкуренция за избирателей на выборах в политике — именно такова система базовых политических институтов. Идеологической основой экономического и политического порядка являются ценности индивидуальной личной свободы, закрепленные в основных субсидиарных идеологических институтах.

Почему для России характерна X-матрица?

Прежде чем перейти к ответу на этот вопрос, отметим, что в реальных обществах представлены институты обеих матриц. Как в генетической структуре мужчин и женщин присутствуют X- и Y-хромосомы, так и в обществе взаимодействуют институты X- и Y-матриц. Институты рынка сосуществуют с институтами редистрибуции, демократия и федерация — с принципами унитарности и централизации, а субсидиарные личностные ценности уживаются в общественном сознании с ценностями коллективными, коммунитарными. Но, аналогично тому, как пол (основная характеристика человека для его роли в процессе физического воспроизводства) задается соотношением X- и Y-хромосом, так и тип общества определяется тем, институты какой матрицы в нем доминируют. В истории каждой страны имеет место устойчивое *доминирование одной матрицы*, которая определяет рамки и пределы действия дополнительных институтов из «другой» матрицы. Схематически это представлено на рисунке. Именно доминирующая матрица отражает главенствующий принцип социальной интеграции, стихийно найденный социумом в условиях проживания на данных пространствах, в определенной окружающей среде (подробнее о взаимосвязи типа доминирующей матрицы и характера материально-технологической среды см. ниже).

Схема подчеркивает рамочный характер базовых институтов доминирующей матрицы по отношению к комплиментарным институтам. Доминирующая матрица имеет объемлющий характер, а комплиментарная — заполняет своеобразные ниши в институциональном пространстве. Так, в кризисные моменты ради ликвидации «провалов рынка» (market failures) в странах Y-матрицы используют-

¹⁶ Collins. Большой толковый социологический словарь / Пер. с англ. Т. 2 (П — Я). М.: Вече; АСТ, 1999. С. 241.

ся вмешательство государства с его редистрибутивным механизмом в хозяйственную жизнь. В экономической теории подробно описаны условия, которые обуславливают провалы рынка и необходимость использования комплиментарных, нерыночных институтов.

Поступательное развитие общества и образующих его подсистем обеспечивается при определенном институциональном балансе. Достижение такого баланса — оптимального, соответствующего условиям времени и пространства, соотношения основных и дополнительных институтов — составляет основную политическую и управленческую задачу современных государств. Понимание того, какая институциональная матрица является доминирующей для данной страны, является одним из условий успешности такой политики.

От чего зависит то, институты какой матрицы будут преобладать в государстве? Кто-то может предположить, что это обусловлено спецификой менталитета населения, кто-то будет говорить о своеобразии культурных условий, кто-то пытается утверждать, что можно «внедрить» институты той или иной матрицы при условии политической воли населения или руководства страны, ее экономических, политических или духовных лидеров. Исторические сопоставления и анализ внешних условий, в которых возникают и существуют государства, позволяет предположить, что важнейшим и сохраняющим свое значение фактором является специфика *материально-технологической среды* обитания, т. е. прежде всего общественная инфраструктура и отрасли, приоритетные для обеспечения жизнедеятельности всего населения.

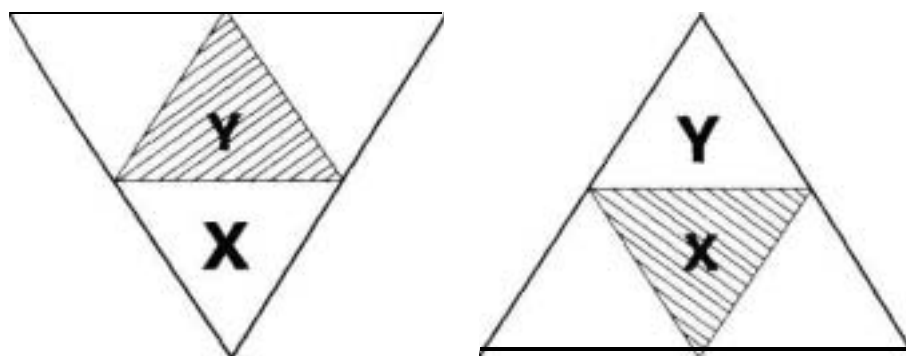

Схема сосуществования основных и дополнительных институтов при доминировании X- и Y-матриц

По своим свойствам (проявляющимся в ходе ее использования как среды производственной) материально-технологическая среда может быть либо коммунальной, либо некоммунальной¹⁷. *Коммунальная* материально-технологическая среда характеризуется внутренней неразрывностью, что предполагает ее использование как единой нерасчленимой системы, части которой не могут быть обособлены без угрозы ее распада.

¹⁷ Бессонова О., Кирдина С., О'Салливан Р. Рыночный эксперимент в раздаточной экономике России. Новосибирск, 1996. С. 20-24; Кирдина С. Экономические институты России: материально-технологические предпосылки развития // Экономические науки и современность. 1999. № 6; Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России (2-е изд). Новосибирск. 2001. С. 73—84; Литвинцева Г. П. Продуктивность экономики и институты на современном этапе развития России. Новосибирск: Наука, 2003. С. 50-51.

В российском государстве коммунальная среда на заре его истории была представлена, во-первых, системой речных путей, которая связывала реки, озера и протоки посредством волоков, а затем и каналов. Она составила основание нашего государства. Для ее защиты были призваны варяги, ставшие первыми князьями на Руси. Речная система служила основой торговли разных княжеств, прежде всего с Византией. Во-вторых, коммунальным было земледелие. Условия климата, плодородность почвы и размещение земель требовали их общей защиты и технологий совместной обработки¹⁸. Коммунальность этой материально-технологической среды постоянно возрастала. В современной России она представлена системой железнодорожных путей, структурой жилищно-коммунального городского хозяйства, схемами трубопроводного транспорта, единой энергетической системой и т. д. Издержки расчленения этих исторически сложившихся систем настолько превышают возможные выгоды и преимущества, что определяют траектории проводимых в этой сфере институциональных преобразований, ставя естественные барьеры для проникновения в сферу их действия экономических институтов Y-матрицы.

Некоммунальная материально-технологическая среда характеризуется автономностью. Образующие ее объекты технологически разобщены, могут быть обособлены и функционировать самостоятельно, что предполагает возможность их частного использования.

Коммунальная среда способствует доминированию институциональной X-матрицы, когда возникает необходимость централизации и объединения усилий людей в единых производственных процессах, формируются соответствующие политические структуры, а также коммунитарные ценности, в которых общественное сознание исторически закрепляет смысл такого общественного устройства. Некоммунальная среда обуславливает преимущество институтов Y-матрицы — обособленных товаропроизводителей, взаимодействующих посредством рынка, федеративные политические структуры и адекватные такому устройству индивидуальные субсидиарные ценности.

По мере развития государств коммунальность или некоммунальность материально-технологической среды, в которой они живут, лишь усиливается. Заданная сначала почти исключительно природными и географическими факторами, она затем все более проявляет себя в закрепляющихся технологиях, способствуя сохранению доминанты той или иной институциональной матрицы. Мы можем сказать о типе общества словами Шекспира: «Ты вырезан Природой как печать. Чтоб в оттисках себя передавать»¹⁹.

Материально-технологическая и институциональная среда образуют, в конечном счете, единую систему и положительно воздействуют друг на друга. Коммунальная среда, не поддающаяся расчленению, со временем приводит к относительному расширению роли централизованных структур, выражающих общий, коллективный интерес. Создается соответствующая система управления во главе с центром, которая определяет общие правила пользования коммунальной инфраструктурой для всех хозяйствующих субъектов. На каждом историческом этапе формируется соответствующая време-

¹⁸ См. например, анализ различий в характере освоения территорий Русского Севера нашими соотечественниками (общинно) и земель Финляндии финнами-тавастами (хуторами), в работе: Лурье С.В. Восприятие народом осваиваемой территории // *Общественные науки и современность*. 1998. №5.

¹⁹ У. Шекспир / библиотека великих писателей. Брокгауз — Ефрон. М: Изд-во Эксмо, 2004. С. 490 (Сонет 11. пер. Л. Финкеля).

ни идеология, выражающая справедливость такого общественного порядка. В свою очередь, вновь отдаваемые производственные объекты эволюции и но воспроизводят коммунальные свойства и закрепляют на следующем историческом шаге вызванные ими институциональные особенности общественного устройства.

В странах с некоммунальной материально-технологической средой, напротив, постоянно возрастает роль частных собственников в общественной жизни, что выражается в развитии системы соответствующих экономических и политических институтов и создании адекватных идеологических систем. Развивающаяся и совершенствующаяся некоммунальная среда служит постоянной материальной основой для их воспроизводства.

История показывает, что научно-технический прогресс и человеческая деятельность в целом не в силах и заменить анализируемое свойство материально-технологической среды, превратив ее из коммунальной в некоммунальную или наоборот. Более того, можно видеть, что по мере развития государств присущая им изначально среда все больше проявляет себя и приобретает более масштабный характер. Так, например, если на заре российской истории коммунальность была характерна лишь для системы речных путей и сельскою хозяйства, то сегодня коммунальными являются энергетика, жилищное хозяйство городов, железнодорожные сети, трубопроводный транспорт и т. д. Со временем материально-технологическая среда все более определяет пространство возможных организационных и управленческих решений, «задает» институциональные технологии, которые затем, в свою очередь, закрепляют и усиливают свойственные материальной инфраструктуре коммунальные или некоммунальные черты.

Масштабная энергетическая авария, задевшая Москву и прилежащие области, которую даже назвали энергетическим кризисом, случившаяся на наших глазах 24 мая 2005 гола, показала, что предпринимаемые попытки институциональных преобразований коммунальной по сути системы российской электроэнергетики могут стать опасны. Стремление руководителей РАО «ЕЭС России» применим, в отрасли правила и институты, характерные для рыночной экономи-

ки, и проведение структурных реформ по учебникам *economics*, недооценка роли институтов редистрибутивной экономики привели к невозможности полноценного функционирования системы.

Сохранение и усиление коммунальных черт материально-технологической среды в России обуславливает сохранение и приоритетное развитие соответствующих ей институтов X-матрицы. Это определяет и то, как будут развиваться отношения собственности, имеющие свою собственную эволюцию и одновременно являющиеся объектом постоянных реформ.

Отношения собственности в России: практика и прогнозы

Итак, что представляют собой отношения собственности в России, где доминируют институты X-матрицы, а институты Y-матрицы играют вспомогательную роль? Под институтами собственности мы, согласно институциональной теории, будем понимать санкционированную обществом совокупность отношений, регулирующих порядок извлечения полезности из экономических благ через систему прав, или полномочий²⁰. А классификация этих прав в самом общем виде включает в себя права владения, пользования и распоряжения благами²¹.

В отечественных экономических дискуссиях по поводу собственности камнем преткновения является обычно частная собственность, ее роль и масштабы. Что можно сказать по этому поводу, вооружившись теорией и проведя с ее помощью исторический анализ собственности в России? Можно увидеть, что здесь действуют следующие три закономерности.

Первая состоит в том, что на протяжении российской истории доминирующей формой собственности на основные условия производства является так называемая условная верховная собственность, качественно отличающаяся по своей природе от собственности частной. В условной верховной собственности закрепляется преимущественное право общества в целом на эффективное использование важнейших производственных ресурсов. Не сумма частных интересов, соотносимых друг с другом в ходе обменных рыночных отношений, определяет формирование общественного интереса, но последний является приоритетным при формировании характера взаимодействий между производителями и потребителями.

Покажем главенство института условной верховной собственности на примере земельных отношений в России²². В Киевской Руси (X—XI века) у нас преобладала княжеская условная верховная собственность на общинные земли, реализовавшаяся путем взимания дани или полюдья. Князья обеспечивали защиту земель и гарантировали определенный порядок их использования («вершили суд»). В домонгольской Руси еще одной формой такого рода землевладения стали монастырские и церковные земли. С середины XIV века формируется еще один сегмент — поместные земли — система условного неотчуждаемого (или передаваемого по договорам мены и др. с передачей «отбывания с них службы») землевладения. Указ о единонаследии 1714 года фактически устранил различие

²⁰ Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория. М.: УРСС. 2002. С. 337.

²¹ Eggertsson T. Economic behavior and institutions. Cambridge: Cambridge Univ. press. 1990. P. 34-35.

²² Подробнее см.: Кирдина С. Г. Институт земельной собственности в России // Вопросы экономики. 2003. № 10. С 146-153; Кирдина С. Г. История земельных отношений в России в свете теории институциональных матриц // Историко-экономические исследования. 2004. № 1 - 2.

между вотчинами и поместьями с точки зрения их подверженности верховному регулированию. Хотя вводилось понятие «родового поместья», разрешались мены между поместьями и вотчинами и даже продажа поместий, но сделки эти разрешались лишь с дозволения правительства, через Поместный приказ, и только на определенных условиях. Реализацией института верховной условной собственности являлось и так называемое посессионное право, определявшее условия пользования землей для «заводских дел». Оно имело ограниченную сферу действия. Это «право вечного владения отведенными казной именьями и крестьянами, а также населенными именьями, даруемое фабрикантам и горным заводчикам с условием постоянной поддержки этих фабрик и заводов»²³.

В соответствии с законами XVIII века такие именья назывались казенными и подлежали строгому контролю. Посессионный владелец мог продать деревни, приписанные к заводам и фабрикам, но лишь все вместе и с разрешения соответствующей коллегии²⁴. После реформы 1861 года возник сегмент крестьянских наделных земель, в советский период — колхозные и совхозные земли. В современной России также сохраняется государственный приоритет (в лице его федеральных, региональных и муниципальных структур) на владение землей. Таким образом, по ходу истории можно наблюдать эволюционное — пусть не всегда последовательное и гармоничное — развитие форм собственности при сохранении ее основного содержания. Развитие связано с постепенным усложнением и совершенствованием распределения прав и ответственности по владению, распоряжению и пользованию объектами собственности между всеми заинтересованными участниками хозяйственного процесса.

Вторая закономерность состоит в особом характере индивидуальных и иных частных (точнее, квазичастных) форм собственности. Их развитие и количественное распространение, совпадающее с началом периодов либеральных реформ, как

²³ Владимирский-Буданов М. Ф. Обзор истории русского права. Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. С. 552.

²⁴ Бессонова О. Э. Раздаток: институциональная теория хозяйственного развития России. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН. 1999. С. 102.

правило, затем стабилизируется и затухает. Эти формы собственности играют компенсирующую роль, являясь необходимым, но все-таки дополнением к доминирующим формам условной верховной собственности. Например, какова была доля вотчинных земель в Средние века? Соотношение вотчин и поместий постоянно менялось: превалировала раздача то поместий, то вотчин. Но если предположить, что в период их широкого распространения в среднем пропорция поместий и вотчин была примерно одинакова (такое предположение позволяют сделать приводимые разными учеными данные), то долю вотчин, или квазичастной собственности, к середине XVII века можно оценить на уровне 25—30%²⁵.

Во времена Столыпинской аграрной реформы 1906—1907 годов крестьяне, желавшие выйти из общины, несмотря на активную государственную поддержку, не стали преобладающей социальной группой. До 1 сентября 1914 года выделилось около 1/5 всех крестьян²⁶, причем процесс выделения крестьян из общины характеризовался тенденцией к замедлению: «подавляющее число домохозяев (74%) на десятом году реформы, а точнее по состоянию на 1 января 1916 года, оставалось в общине. Немало вышедших вновь вернулось в общину»²⁷.

Аналогичная ситуация наблюдалась и в ходе реформирования в 1990-е годы. Закон РФ о крестьянском (фермерском) хозяйстве и реорганизация колхозов и совхозов создали в начале 1990-х годов предпосылки для самостоятельного ведения хозяйства всеми желающими. С каждым годом фермерских хозяйств становилось все больше. Но с 1994 года темпы прироста фермерских хозяйств начали снижаться. При этом нарастал процесс разорения крестьянских хозяйств. С 1997 года число хозяйств, прекративших свою деятельность, стало превышать число вновь создаваемых хозяйств²⁸.

Взрывной рост квазичастной собственности наблюдается, как правило, в периоды так называемых либеральных реформ. Они, в свою очередь, следуют за кризисами, вызванными чрезмерным доминированием базовых форм. После окончания кризиса или по истечении срока активной реформаторской деятельности доля земли, находящейся в квазичастной собственности, снова уменьшается. Если в результате условная верховная собственность начинает тотально доминировать, страна вновь приходит к аграрному кризису. Поэтому важно определение пропорций, в которых должны быть представлены и та и другая одинаково необходимые формы собственности.

Такие «приватизационные всплески» можно было наблюдать в удельный период нашей истории, в ходе «развития капитализма России» и при послереволюционном нэпе, в начале перестройки в 1990-х годах. Рост частных форм сопровождается на первом этапе их внедрения оживлением в хозяйственной жизни. Если же частная собственность из роли подчиненной начинает претендовать на роль главенствующую, то показатели социально-экономического развития ухудшаются. Это выражается в социальных диспропорциях, ослаблении внутреннего и внешнего

²⁵ Оценка выполнена на основании данных примерных расчетов Я. Водарского и В. Кабузана: в середине XVII века духовенству принадлежало 16% земель, дворцовому ведомству — 8, черносошному крестьянству и другому свободному населению, зависимому от системы государственной собственности, — 20, боярам и дворянам (владельцам вотчин и поместий) — 56% (Собственность на землю в России: история и современность / Под общ. ред. Д. Ф. Аяцкова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. С. 25). Половина этой величины и составляет приблизительно 25-30%.

²⁶ *Ахиезер А.* Россия: критика исторического опыта (социокультурная динамика России). Т. 1. От прошлого к будущему. Новосибирск: Сибирский хронограф. 1997. С. 304.

²⁷ *Холодков В.* Общинные традиции России // *Финансы.* 1995. № 6. С. 58.

²⁸ *Калугина З.* Парадоксы аграрной реформы. 2-е изд. Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН. 2002. С. 15.

положения страны, следствием чего являются либо ее завоевание, либо революции, отторгающие не присущий институциональной матрице порядок. Так, следствием удельного периода стало монгольское завоевание, капитализм конца XIX — начала XX века привел к революции, следствием нэпа стало падение макроэкономических показателей развития и осознание невозможности провести мероприятия по выводу страны из зависимого экономического положения. Перестройка 1990-х годов привела к социальному расслоению, падению показателей производства практически во всех отраслях и почти банкротству (дефолту) страны.

Третья закономерность состоит в том, что постоянно идет поиск эффективного соотношения между теми и другими формами собственности. История показывает, что неэффективны как тотальное доминирование условной верховной собственности (как в советский период нашей истории), так и попытки максимально полно заместить ее «частной» собственностью. И та, и другая крайность являются для России экономически нецелесообразными. Возможно, отсутствие баланса между ними, при котором бы сохранялась доминанта верховной условной собственности при значимой полноценной роли «частных» форм, — одна из причин того, что страна не так успешна в своем развитии, как бы всем нам хотелось.

Условная верховная собственность находит свое выражение в соответствующем устройстве политической структуры, прежде всего, в распределении прав и ответственности по уровням иерархии во главе с центром. Мы сегодня понимаем центр преимущественно как вершину иерархической вертикали. Но этимологически сохраняющаяся в понятии центра функция служить серединой²⁹ подчеркивает его роль не только как верховного, но и опосредующего звена в отношениях между составными частями. Поэтому территориальная соподчиненность регионов по отношению к центру, что отражается и в структуре собственности, означает одновременно возможность соотнесения принимаемых в одной части страны решений с интересами всего государства как целого.

²⁹ В переводе с латыни центр — «зернышко, узелок, сердцевина», а с греческого — «место циркуля при проведении окружности», см.: Шанский Н. М., Боброва Т. А. Этимологический словарь русского языка. М.: Прозерпина. 1994. С 357.

Назначение региональных руководителей из центра также закрепляет соответствующие экономические отношения собственности. Это значит, что условная верховная собственность как экономический институт в политической сфере реализуется через ответственность руководителей, которым вверены бюджетные или материальные средства, перед верхним уровнем управления. Эта ответственность обусловлена тем, что верхний уровень назначает и смещает руководителей. На современном этапе политическая составляющая отношений собственности заключается также в распределении прав и ответственности по владению, распоряжению и ее использованию между уровнями иерархической вертикали власти и юридическим оформлением создаваемого порядка. Одновременно идет поиск институционального баланса между формами унитарного, централизованного руководства и элементами федеративного политического устройства. К последним относятся партийное строительство, создание институтов общественного участия на разных уровнях вплоть до федерального. К ним можно отнести также развитие судебной системы и преимущественное использование правовых процедур при оформлении новой конфигурации собственности в стране.

В идеологии отношения собственности представлены доминантами общественно мнения по поводу того, какие правила собственности справедливы и легитимизируются массовым сознанием, а какие им отвергаются. Когда мы говорим о массовом сознании, то это не речь о спорах в среде интеллигенции — при всем уважении к нам признаем, что это лишь верхушка общественного айсберга. Речь идет о массовой общественной поддержке или осуждении определенных экономических и политических решений. Зная историю, нельзя не признать: общественное мнение в России более поддерживает эгалитарные ценности, коллективный характер собственности и «соблюдение общественного порядка» при использовании объектов собственности, чем признает справедливость стратификации «богатых» и «бедных», приоритет индивидуальных ценностей и свободы. На наш взгляд, это связано не с приписываемой нашему народу патриархальностью, неразвитым сознанием и т. п. «несовершенствами». Здесь мы имеем дело с закрепленными в исторической общественной памяти образцами того, при какой структуре собственности общество все-таки сохранялось, а при каких оказывалось на грани уничтожения.

Базируясь на теории институциональных матриц, можно говорить о двух прогнозах развития отношений собственности в современной России. Оба прогноза предполагают, что сохранится основополагающая роль условной верховной собственности, будут легитимизированы и специфицированы ее формы и правила действия, оформится роль редистрибутивного хозяйствующего центра (что-то вроде прежнего Госплана), которая сегодня в значительной мере расплывлена и явно не обозначена. Одновременно сформируется поддерживаемая обществом и органами государственной власти разных уровней ниша действия «частной» собственности. При этом будет осознан ее дополнительный характер, что найдет отражение в соответствующих законодательных актах.

В чем различие прогнозов? В путях достижения обозначенной ситуации. Первый можно назвать «пессимистическим». Он будет реализовываться в борьбе противоборствующих позиций, в условиях отсутствия взаимопонимания. В лучшем случае это будет утомительная для общества процедура поиска редистрибутивного хозяйствующего центра, в худшем будет включать в себя резкие и непредсказуемые меры с обеих сторон (вроде решения продать значимые для

страны активы за рубежом, с одной стороны, или осуществлять практику агрессивного «налогового администрирования», с другой стороны). Если принять в расчет выводы А. С. Ахиезера, что Россия — это вечно расколотое общество³⁰, то такой вариант можно признать достаточно вероятным.

Второй вариант — «оптимистический». Его можно назвать согласительным, поскольку противоборствующие стороны здесь могут выступить как партнеры на переговорах с единой платформой понимания специфики общественной структуры России. Такой платформой может послужить научная теория, как это принято в современном мире, и почему бы теории институциональных матриц не выступить в такой роли? И тогда в переговорной плоскости сообща будут найдены формы взаимодействия и пропорции различных форм собственности, которые позволят учесть интересы и страны в целом, и ее отдельных граждан и организаций.

³⁰ Ахиезер А.С. Указ. соч.